

М. В. ФЕДОРОВА
Воронежский университет

ИЗ НАБЛЮДЕНИИ НАД ПРИЧАСТИЯМИ В РЕЧИ ГОРОЖАН

В современной городской речи отражаются различные языковые процессы. Степень связи каждого из них с литературной и нелитературной сферой языка изучена еще мало. В целом в речи горожан ведущую роль играет то, что связано прежде всего с современным литературным языком, но отражение тенденций, не соответствующих требованиям литературной нормы, здесь также имеет место.

В предлагаемой статье освещаются некоторые особенности употребления причастий в речи горожан. Материал собран прежде всего путем записи соответствующих фактов устной речи жителей города Воронежа. Нами учитывались факты речи и местных жителей, и приехавших из других городов. Прежде всего отмечались интересующие нас явления в речи людей, имеющих среднее и высшее образование, т. е. людей, систематически изучавших нормы литературного языка.

В большинстве случаев причастия используются верно, т. е. в соответствии со своими лексическими значениями и нормами грамматического употребления. Отступления связаны обычно с теми чертами причастий, которые оказываются близкими к чертам прилагательных (прежде всего — синтаксическим).

Одной из наиболее ярких черт в наблюдаемой нами группе фактов является ослабление способности причастия к управлению. Это отражается в разрыве между частями причастного оборота: причастие располагается перед соот-

ветствующим субстантивным или субстантивированным словом, как определение-прилагательное перед определяемым, а то слово (или группа слов), которым управляет причастие, располагается не непосредственно за ним, а следует после определяемого уже одним причастием — определением членом предложения. Примеры из устной и письменной речи преподавателей и сотрудников Воронежского университета: *Отчет доработать, а посланный экземпляр в Москву¹ — вернуть*; *Ответственное лицо за практику*; *30 работ... совершенно не отвечают выдвигаемым требованиям в конкурсе*; *Подготовленный материал для печати*; *Прозвучавшее замечание на последнем партийном собрании*; *Выписка из протокола проведенного ученого совета весной*.

Подобные приведенным факты в значительном количестве извлечены нами из районных газет Воронежской области: *Читаемые лекции членами Общества систематически проверяются* («Ленинское знамя» Полянского района); *Полученные знания на курсах колхозницы сразу бы применяли на практике* («Ленинская искра» Хохольского района); *Коммунисты должны рассказать людям о сложившихся условиях на уходе за посевами* («Вперед» Подгоренского района). Аналогичное встречаем в районных газетах других областей.

В меньшем количестве случаев видим такое же расположение слов в газетах областных, в частности в воронежской газете «Коммуна»: *Может встать вопрос о выселении некоторых в отведенные места для лечения общественно-полезным трудом* (№ 157—12238, 5.7.1961); *За оказанную помощь при тушении пожара...* (№ 242—12323, 12.10.1961); *За допущенные злоупотребления по службе...* (№ 212—12905, 7.9.1963); *В результате проведенного рейда на транспорте...* (№ 49—13355, 28.2.1965).

Единичными являются подобные примеры в центральных изданиях, но и здесь они имеют место: *Президент... согласился с тем, что представленные аргументы в отношении возможности возникновения войны в Европе весьма основательны* («Правда» №331—15821, 26.II.1961); *Добровольное присоединение Кабарды к России явилось результатом сложившихся экономических и политических связей*

¹ Выделяем члены причастных групп.

между русской нацией и малыми нациями на окраинах страны, в том числе и на Кавказе (журн. «Коммунист» № 10, 1957); За проявленный героизм при форсировании Днепра капитану Михалько было присвоено высокое звание Героя Советского Союза («Учительская газета» № 119—4864, 5.10.1961).²

Показательно, что подобные конструкции встречаются иногда в документах дореволюционного периода: Командующий 1-й армией Северного фронта доносил 21 мая 1917 года: «Идеи Ленина распространены широко в солдатской массе, что объясняется полученными укомплектованиями из Петроградского округа, влияние которых главным образом и сказывается» («Коммунист» № 10, 1957).

Наш материал показывает, что «разорванные» причастные группы функционируют в современном языке явно в связи со значительным распространением тенденций устной речи, прежде всего той из них, которая позволяет осваивать говорящим, ранее не пользовавшимся литературным языком, причастия, как литературно-книжный разряд слов, с помощью сближений их с прилагательными, как разрядом слов общенародного характера.

Можно оценивать описанные нами факты с различных сторон. По нашему мнению, конструкции с «разорванными» причастными группами свидетельствуют о следующем.

1. С логико-семантической стороны: в русских причастиях все более укрепляется значение стабильного признака (значение прилагательного) и ослабляется значение признака мобильного (значение отглагольного образования — причастия).

2. С лексико-семантической стороны: ослабляется конструктивно обусловленное значение; оно постепенно превращается в свободное (номинативное) значение причастия-прилагательного.

3. С морфолого-синтаксической (грамматической) стороны: у причастия усиливается синтаксическая зависимость от имени при ослаблении семантической связи с глаголом (а поэтому — с управляемой причастием группой); ослабляется способность к управлению при сохранении и укреплении способности к согласованию; причастие, как двусвязный член предложения (и подчиняющий — управляющий,

² Центральное радио: В отдаленных районах друг от друга (9.10.1965).

и подчиняемый — согласуемый) стремится к превращению в односвязный (только подчиняемый — согласуемый) член предложения.

4. С собственно синтаксической стороны: причастие отделяется от управляемой им группы; эта группа представляет собой уже не элемент причастного оборота, а какую-то иную, новую синтаксическую единицу, не имеющую пока своего определения и названия.

5. С собственно морфологической стороны: в подобных причастиях отрицание *не* осознается только как часть слова (префикс), но не как отдельное слово. Об этом свидетельствуют массовые ошибки в письменной речи жителей разных областей.

6. С функционально-стилистической стороны: конструкции с «разорванными» причастными группами являются просторечными. Интересно, что степень осознания просторечности их прямо связана с характером всех других языковых черт содержащих их предложений и более широкого контекста в целом. При преобладании в контексте литературно-книжных черт «разрыв» группы почти или совсем не осознается. Свидетельством этого являются «разорванные» причастные группы в устной и письменной речи научных работников, даже лингвистов, специализирующихся в области русского языкознания: *Опубликованные работы по материалам диссертации* (Н. П. Денисова. Влияние физиологически активных веществ на рост и развитие кукурузы... Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1964, стр. 19); *Имеющиеся* подобные образования в других слав. яз. являются самостоятельными и независимыми производными... (Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. 2, Б. Изд-во Моск. ун-та, 1965, стр. 6).

При преобладании разговорно-просторечных черт соответствующих предложений или контекстов просторечность подобных фактов весьма выпукла: *Находящиеся* клиенты в *нетрезвом состоянии* не обслуживаются (объявление в парикмахерской).

7. Со стороны теории культуры русской речи: такие конструкции надо устранять, т. к. они нелитературны (хотя *итог* процесса—прилагательные типа *блестящий* — признается вполне литературным. Иначе говоря: мы допускаем в литературный язык первый этап жизни причастия и последний, но не допускаем среднего этапа, хотя без него не

был бы возможен и последний). Надо поддерживать причастные группы литературного словорасположения, как конструкции, часто более экономные и более «энергичные», чем синонимичные им придаточные предложения.

8. Со стороны связи с родственными языками: процесс адъективации причастий имеет место и в белорусском языке, где «в роли определения может выступать каждая из форм причастий».³

Все изложенное позволяет сказать, что отмеченные нами конструкции и причастия, связанные с ними, едва ли можно рассматривать на каком-то одном «уровне» или «срезе»: в них воплощаются почти все возможные языковые процессы нашего языка. Здесь прекрасно видно то, что мы называем изменением и развитием в языке. Наш материал еще раз подтверждает наблюдения над общей эволюцией причастий: «Причастие, форма... по преимуществу предикативная, с течением времени приобрела атрибутивный оттенок, который, все более развиваясь, заслоняет собой предикативную функцию причастия, идущую на убыль... и наконец известное количество причастий теряет всякий след предикативной силы, превращаясь в обыкновенные прилагательные...»⁴ «Движение в этом направлении—от предикативности к атрибутивности — наблюдается во всех периодах развития языка с древнейших времен и продолжается на наших глазах».⁵ Добавим, что этому процессу в наше время весьма активно противодействуют все более распространяющиеся нормы, выработанные и закрепленные литературным языком.

К изложенному нужно добавить следующее. В современной литературе достаточно хорошо описаны условия перехода причастий в прилагательные. Для этого причастие должно утратить видо-временные значения и возможность управления.⁶ Наш материал показывает, что в значительном количестве случаев причастия в «разорванных» конструкциях, хотя и утрачивают в разной мере способность гла-

³ А. И. Наркевич. Способы выражения определения в современном белорусском литературном языке (на материале произведений Я. Коласа). Автореферат канд. диссертации. Минск, 1956, стр. 8.

⁴ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. Изд. 2. СПб., 1912, стр. XXVI—XXVII.

⁵ Там же, стр. XXVI.

⁶ Грамматика русского языка, т. I. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 303.

гольного управления, свои видо-временные значения сохраняют достаточно прочно. Это особенно хорошо видно в тех случаях, когда причастие совершенно утрачивает управляемую группу, но не превращается в прилагательное: На конце загона... копнильщик с помощью веревки, прикрепленной к кольцу разъединителя, открывает его. *Образованная* копна соломы остается на конце поля... («Коммуна» № 157—12238, 5.7.1961). В подобных случаях одиночное причастие не может закрепиться, видимо, потому, что омонимичное ему отпричастное прилагательное уже существует в литературном языке.

Такие конструкции условно называем «оборванными» (хотя такое название нельзя, конечно, считать лингвистическим термином). В ряду переходных фактов одиночное неуправляющее причастие (*образованная копна*) — только один из случаев. Отметим еще два. Одиночное причастие выступает, как неуместный синоним непричастных слов: *взятые обязательства* = *свои обязательства*; *предложенная кандидатура* = *эта кандидатура*. Одиночное причастие может быть и своеобразным «пустым» словом, появившимся в результате разрушения причастной конструкции литературно-книжного (делового, газетно-публицистического и т. п.) характера, превратившейся в штамп: *выдвинутые кандидаты*, *доведенные планы*, *выявленные убытки* и т. п. Следовательно, между причастием и прилагательным существует еще целый ряд таких переходных и смежных с ними слов, которые, не будучи уже настоящими причастиями, не являются еще и прилагательными.

Таким образом, «разорванные» и «оборванные» причастные конструкции функционируют в современной устной и отчасти письменной речи городских жителей в прямой связи с тенденциями развития общенародной русской речи.

Если в современном литературном языке причастия ближе к системе спрягаемых глагольных слов, чем к прилагательным, то в устной речи, отступающей от литературной, причастия значительно ближе к прилагательным. Переходность (А. М. Пешковский), или гибридность (В. В. Виноградов), причастий оказывается весьма сложной, причем не только лексико-грамматической, но и стилистико-исторической. Она отражает всю сложность исторического развития нашего языка.

Работникам просвещения и печати нужно весьма внимательно относиться к использованию причастий и причастных оборотов — очень важных средств литературного языка, помня о том, что тенденции русской устной речи достаточно далеки от соответствующих тенденций и — особенно — действующих норм литературного языка.
